

Чиновники, державшие старика Лу, тут же отпустили его, а остальных потащили силой, не обращая внимания на их крики и протесты. Как истец, Цзи Жань естественно последовал за ними. Хоть он уже всё и уладил, да ещё и статус жены генерала, назначенной императором, давал делу некоторый перевес, процедуры соблюсти всё же требовалось. Хотя он и прибег к мелким хитростям, совесть его не мучила: обвинения были правдивы, он даже приводил чиновников на место происшествия для сбора доказательств. Налицо были и следы погрома, и свидетельские показания деревенского старосты с Гао Дачжуаном и сыном. В целом, он ни в чём не оклеветал семью Лу, разве что оставил их в тюрьме на пару дней лишних, чтоб запомнили.

По дороге старуха Лу сначала громко возмущалась, но, увидев, что это не помогает, все быстро притихли, будто перепуганные перепёлки, и больше не смели ругать Цзи Жаня в присутствии чиновников.

Размышляя о том, что их ждёт в управе, старуха Лу вдруг переменяла тактику: ругаться перестала, начала Цзи Жаня уговаривать. Мол, семья — одно целое, кость да плоть, да и сор из избы выносить негоже. Ей казалось, что она апеллирует к его чувствам и разуму, но, сколько ни лила воду, Цзи Жань оставался глух.

Деревня Лу была далеко от города, а путь до уезда Гаоян и того длиннее. Сначала старуха Лу была полна сил, но, устав от долгой дороги, вскоре сама примолкла. Однако её взгляд, будто отравленный, ясно показывал, как глубоко она возненавидела Цзи Жаня.

Она притихла, зато Лэн Сянлянь разнылась.

— Ой-ой-ой! Господин чиновник, не могу больше, у меня живот ужасно болит, наверное, с ребёнком что-то... Ой, как больно! — Лэн Сянлянь, обхватив живот, стонала. — Господин чиновник, сжальтесь, пожалуйста, я тут ни при чём. Вы же видите, я беременна, что я могу сделать? К тому же, это третий брат дрался да вещи ломал, а не мы. Я только языком пошумела, но разве сплетничать — преступление? Мой муж тоже был там, но он рук не прикладывал. Иначе как бы Цзи Жань, с его-то хилым телом, смог бы убежать да несколько ли до управы отмахать? Ему бы и дойти-то не удалось!

— Меньше болтать, шагай быстрее! Жалуйся уездному начальнику, нам это неинтересно! — Чиновник, что вёл Лэн Сянлянь, хоть и говорил грубо, но к беременной женщине руки не прикладывал.

В уездную управу они прибыли уже в третьем часу ночи. В такое время уездный начальник давно спал, и всех без разбирательств отправили в камеры, чтобы ждать утреннего допроса. Цзи Жань же остановился в ближайшей гостинице — как истец, он обязан был явиться на заседание.

Однако на следующий день в зале суда Цзи Жань встретил неожиданного человека.

На рассвете Цзи Жань поспешил в управу. Он прибыл как раз вовремя, не опоздав и не заставив себя ждать. Накануне он выяснил у стражников время начала заседания и рассчитал всё точно.

Цзи Жань был человеком обходительным и прихватил с собой мясных булочек, чтобы угостить стражников, заступивших на смену рано утром и ещё не успевших позавтракать. Подарок недорогой, но душу греющий. Одна такая булочка могла расположить быстрее, чем взятка. Глубокой дружбы не заведёшь, но доброе отношение обеспечено — поздороваются при встрече, в мелочах помогут. Этого и достаточно.

Вот и вышло: раздал Цзи Жань булочки, присел у входа перекусить, за несколько минут разговора — и уже братьями зовут.

— Брат Цзи, ты парень открытый, нам по душе. Если что — обращайся, по мере сил поможем. Мы, конечно, люди мелкие, стражники простые, но кое-какой вес имеем, — сказал Ван Лю. Искренне ли говорил или нет, но слово дал.

Цзи Жань тут же согласился, называя их братьями без тени смущения. Как говорится, в чиновничьих кругах связи — всё, будь они хоть с мизинец.

Пока они беседовали, появился начальник стражников Чжоу Юн. Цзи Жань быстро повернулся к нему и одарил той самой ослепительной улыбкой:

— Начальник Чжоу! — Ещё вчера он величал его «господин чиновник», а сегодня уже имя вызнал.

Чжоу Юн был мужчиной лет тридцати, серьёзным, с квадратным лицом и правильными чертами. Выражение бесстрастное, весь вид — воплощённая неподкупность. В форменном облачении смотрелся весьма внушительно. За годы службы он каких людей только не видел, красавиц и красавцев, но от этой улыбки, слишком уж яркой, на мгновение глазам стало больно, и он едва не сбился.

— Пора начинать, уездный начальник скоро выйдет. Проходи, — сказал наконец Чжоу Юн Цзи Жаню, а затем обернулся к подчинённым. — Вы двое, сходите, приведите семью Лу.

— Есть!

Несколькими голосами ответили стражники, и Ван Лю тут же указал на одного, чтобы шёл с ним.

Действовали они быстро, и вскоре привели всё семейство. Как раз когда они входили в зал, уездный начальник в сопровождении секретаря вышел из-за ширмы.

Цзи Жань уже ждал внутри и, едва завидев полу уездного начальника, поспешил преклонить колени. К тому времени, как семья Лу, поторопившись, тоже встала на колени, уездный начальник уже восседал на своём месте.

— Кто предстал пред очи, назовитесь! — Едва усевшись, уездный начальник грохнул деревянной колотушкой, заставив семью Лу вздрогнуть.

— Ваш покорный слуга Цзи Жань, приветствую уездного начальника!

— Ваши покорные слуги Лу Чанцин (Лу Чангэн, Лу Цзымин) приветствуют уездного начальника!

— Ваша покорная слуга...

Все назвали и отдали положенные почести. Уездный начальник снова ударил колотушкой, и начался допрос.

Процесс был предсказуем. Доказательства — железные, свидетельские показания — в наличии, да ещё и предварительная подготовка Цзи Жаня делала своё дело. Ситуация клонилась целиком в его пользу. В итоге, как и договаривались, семью Лу отправили в камеры

на несколько дней.

Цзи Жань не жаждал жестокой мести — просто хотел, чтобы они получили урок.

Однако, когда уездный начальник приказал стражникам увести семью Лу обратно в тюрьму, в зал широким шагом вошли двое.

— Погодите!

Этот решительный окрик заставил всех замереть. Обернувшись на голос, все увидели двух юношей, одетых как студенты. Тот, что впереди, в парче да с нефритом, с первого взгляда выдавал богатый дом. Другой — в простой одежде серо-белого цвета, волосы небрежно стянуты лентой под цвет, явно из бедной семьи.

Именно этот юноша заставил глаза семьи Лу заблестеть. Они сдерживались, не кричали, но волнение их было не описать.

Цзи Жань, отметив их реакцию, присмотрелся к юноше повнимательнее. Лицом красив, необычен, чем-то даже напоминал Лу Чжэня. Отличала же его учёная осанка, та самая, что бывает у подающих надежды молодых талантов. Тут Цзи Жань всё понял: должно быть, это тот самый Лу Чанъюань, четвёртый сын семьи Лу, о котором он много слышал, но вживую не видел.

Так и вышло: едва войдя, юноша сделал несколько шагов вперёд и, сложив руки, поклонился уездному начальнику:

— Ученик Лу Чанъюань приветствует уездного начальника!

По действующим законам, лица, имеющие учёную степень сюэя и выше, могли не становиться на колени перед уездным начальником и пользовались некоторыми привилегиями. Поэтому уездный начальник не счёл это поведение неуважительным, но и внимания не обратил, а вместо этого, слегка нахмурившись, взглянул на богато одетого юношу.

— Тао Юань шурина кланяется, — произнёс юноша. Оказалось, он — родственник уездного начальника.

Однако уездный начальник, услышав это «шурин», тут же нахмурился.

— Безобразие! Это зал суда, а не место для семейных бесед! Не мечись сломя голову, как тебе не стыдно? Немедленно заberi своего друга и выйди вон!

Тао Юань не успел ничего сказать, как Лу Чанъюань снова поклонился:

— Уездный начальник, не вините брата Тао. Это я, беспокоясь о семье, упросил его привести меня, чтобы умолять Вашу милость.

— О? — Только теперь уездный начальник по-настоящему взглянул на Лу Чанъюана, но лишь бровь приподнял.